

150

ТВЕРСКИЕ МЕСТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВЕЛИКОГО САТИРИКА

О СВЯЗЯХ М. Е. Салтыкова-Щедрина с тверскими краями написано уже немало. Но нам, землякам выдающегося русского сатирика, бесконечно дорого все, что связано с пребыванием писателя в Верхневолжье, с его деятельностью в здешних местах, с многочисленными упоминаниями наших мест на страницах его творений.

Нельзя ограничить значение щедринской сатиры местными масштабами, нельзя приуменьшать огромную обобщающую силу его произведений в целом и отдельных образов. Но обилие знакомых для нас названий и подробностей не случайно. Видно, что с одной стороны действительность, М. Е. Салтыков-Щедрин, с другой стороны, исполнил многое из увиденного им лично для создания обобщенных, типических картин и образов. С другой же стороны, в целях индивидуализации, художник точно «адресовал» то или иное явление, оговариваясь о возможном несопадении каких-то деталей.

Несмотря на обилие автобиографических моментов, в романе-хронике «Пошехонская старина» тверских названий почти нет. И все же одну главу следует выделить — «Мавруша — новоторка». Это рассказ о гордой, смелой женщине, во имя любви согласившейся выйти замуж за крепостного. Кстати, реальным прототипом героини была калазинская мещанка, и судьба ее оказалась еще более трагичной, чем судьба Мавруши.

Широкое поле для литературно-краеведческой работы представляют собой «Благонмерные речи» (1873—1874 годы).

В том же произведении сатирик изображает дельцов-предпринимателей капиталистического склада. Это уже не прежние авантюристы из дворян типа Чичикова, а буржуазия, вырастающая из среды кулаков-

мироедов как результат расслоения крестьянства. Этому типу Щедрина дает обобщенное наименование «чумазы» и в качестве одного из таковых рисует Осипа Дерунова. По свидетельству литературоведа С. А. Макашина, этот образ создан на основе реального прототипа — кулака Софрона Осипова, бывшего старосты в имении теток Салтыкова. Между прочим, именно этот «миллионщик», которого Салтыков называет «кай-дагатом в столпы», стал основным покупателем земли, доставшейся в наследство самому писателю.

Среди окружения будущего столпа общества в числе других сатирических фигур упоминается и «генерал, человек очень угрюмого вида, когда-то бывший шолководец, совершивший знаменитую переправу через реку Выюлку (автор имеет в виду реку в Калазинском уезде Тверской губернии — Л. С. и победивший мятежных семендяевцев» (жителей села Семендяево, там же — Л. С.)...

Но едва ли не чаще и обстоятельнее, чем в других произведениях, описываются тверские места в романе «Современная идиллия», в главах, написанных в 1882—1883 годах в период наступления сил реакции по всей России.

События развертываются в основном в городах и селах Тверской губернии. Верхневолжье было тогда типичной глухой провинцией, и, наверное, не случайно едкое, ироническое изображение Салтыковым этого захолустья вызвало обилие серьезных цензурных преследований. В форме романа-обозрения писателю удалось показать не только материальное неблагополучие, но и духовную, нравственную бедность и ограниченность тогдашней жизни в Кашине, Корчеве, Калазине, Бежецке и т. д., создать сумрачный образ времени. Справедливо замечают исследователи, что

название романа Щедрина наполнено глубокой трагической иронией.

Несколько необходимых слов о сюжете. Рассказчик, от имени которого ведется повествование, и его со товарищ Глумов, томясь праздным ничегонеделанием, затеивают дерзкое, ужасно либеральное предприятие — открытие Заравшанского университета. Купец Онуфрий Парамонов обещает дать на это деньги, и экспедиция (5 человек) выезжает из Петербурга в Моршанск, а оттуда — в Среднюю Азию. По пути Глумов предлагает высадиться в Твери.

Автор сочетает наивность (часто нарочитую) суждений персонажей с преувеличением деталей и ироническим подтекстом — так создается тональность всего повествования. Вот захотели путешественники пообедать — и по всей Корчеве пришлось искать, где пару куриц, где кастриюлю, где кирпичики для очага. Добыли даже связку окаменелых баранок и крохотный засушенный лимон к чаю. Сквозь вывод Рассказчика звучит уже сарказм автора:

«Мы опасались, что всл Корчева сойдемся смотреть, как имущие классы суп из курицы едят, и, чего доброго, произойдет еще революция; однако бог милывал». Корчева была не только географическим, но и духовным захолустьем.

«Какое может осуществиться в Корчеве предприятие? Что в Корчеве родится? Морковь? — так и та потому только уродилась, что сеяли свеклу, а посеяли бы морковь — наверное, уродился бы хрен. Такая уж здесь сторона. Кружев не плетут, ковров не ткнут, поярков не валяют, сапогов не тачают, кож не дубят, мыла не варят. В Корчеве только слезы льют да зубами щелкают. Ясно, что человеку промышленному, предприимчивому сюда ездить незачем».

Примечательно, что действие происходит в родных краях ав-

тора. Названия изменены, но с умыслом — путешественники задержаны в усадьбе Проплеванной, родовом имени Рассказчика. Хотя и ясно, что отождествлять Рассказчика с самим Щедриным нельзя, но мы не можем не задуматься о некоторых автобиографических мотивах...

Изображению провинциального быта и нравов посвящена 23-я глава романа «Современная идиллия». «Кашин — уездный город Тверской губернии: имеет по календарю до семи с половиной тысяч жителей и лежит на реке Кашинке... Некогда Кашин был стольным городом и соперничал с Тверью, но ныне даже с Бежецком соперничать не дерзает...

В настоящее время Кашин представляет собой выморочный город, еще более унылый, нежели Корчева... Так что к нынешнему корчевскому запустению в современном Кашине присовокупляется еще паутина времен, которая, как известно, распространяет от себя острый запах затхлости, свойственный упраздненному зданию».

В повествовании о шумевшем в Кашине процессе едкая ирония автора превращается в острый политический сарказм, недаром драматический эпизод «Злополучный пискарь, или Драма в Кашинском окружном суде», включенный в 24-ю главу романа, вызвал цензурное предостережение журналу «Отечественные записки».

Автор не случайно драматизирует эпизод в суде. При этом развязка драмы, как и многое в романе «Современная идиллия» многослойна — сквозит обывательскую либеральную благонамеренность персонажей и особенно Рассказчика прорывается гневный обличительный нафос автора-гражданина.

Обстановка всеобщей подозрительности и полицейской слежки из столичных городов Российской империи докатилась и до глухой провинции, приобрела там особенно уродливые формы, стала смыслом жизни обывателей. И писатель не мог обойти молчанием этого злободневного вопроса, хотя и небезопасного с цензурной точки зрения.

В 27-й главе романа действие происходит в Бежецке.

Здесь, в Бежецке, нас знакомит с полумифическим образом Редеди — странствующего полководца, побывавшего в Африке, который рассказывает о курьезах на состоявшемся там смотре войска: и сухари, и мушкетеры, и ружья — все интеллигентские чиновники разворовали.

Не удивительно вторжение этой «африканской» сцены в роман — под незатейливой аллегорией отчетливо прослеживаются впечатления самого М. Е. Салтыкова от поездки в 1856 году в Тверскую губернию для ревизии комитетом ополчения.

Но что это за персонаж, Редеди? Путешественники встречаются с ним в многолюдной шумной компании в станционном буфете. Это представитель высшего общества интеллигенции устроили ему пышные проводы после поездки по Весьегонскому уезду в качестве национального героя. Провозглашая тосты, они называют его «нашим русским Гарибальди».

Мы не случайно подробно остановились на сатирическом романе Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Именно на тверском, так хорошо знакомом ему, материале он сумел изобразить всю тогдашнюю Россию — задумав «принесть цензуру и изумление», писатель пришел ее в ярость.

Разумеется, в своих родных местах Михаил Емрафович видел не только одно отрицательное. Всем сердцем любил писатель неброскую красоту тверских пейзажей. Ценил и уважал он многих тверяков — людей труда, в том числе ссыльных и поднадзорных литераторов. Главное свое призвание и общественный долг видел художник в борьбе с «глуповскими порядками», с феодально-крепостническими устоями российской действительности. За эту верность гражданскому долгу в соединении с большим художественным талантом и чтят его память с благодарностью и уважением и сегодня наши калининские читатели.

Л. СЛАНЕВСКИЙ,
кандидат филологических наук, старший преподаватель Калининского государственного университета.